

Tamara Goncharova

Лингвистически ориентированные методы
исследования политического дискурса



Интерес науки в целом и лингвистики, в частности, к человеку и проблемам его общения вывел функциональный аспект на первый план филологических исследований начала XXI века. Эволюция науки о языке в направлении синтеза коммуникативных и когнитивных принципов исследований позволяет сегодня говорить о появлении новой парадигмы в языкознании – общепризнанной «модели постановки проблем и их решения в научном сообществе» (Кун 1977: 11). Ею является когнитивно-коммуникативная парадигма, где анализ дискурса выступает объектом исследования и одновременно его методологическим принципом.

Р.М. Фрумкина отмечает, что в гуманитарных науках статус нового объекта исследований может определяться его теорией, которая, в свою очередь, является продуктом деятельности с ним (Фрумкина 1980: 214-216). Что касается дискурсивного поворота в лингвистике, то вряд ли можно говорить о появлении неизвестного ранее лингвистического феномена или языкового/речевого уровня: в случае дискурса скорее имеем дело с новым фокусом исследований, новым горизонтом видения речевой коммуникации (Шевченко 2005: 10).

Контент-анализ представляет собой количественный анализ текстов и текстовых массивов с целью дальнейшей смысловой интерпретации числовых закономерностей, которые были обнаружены. Смысл контент-анализа заключается именно в том, чтобы систематизировать свойственные каждому человеку интуитивные предчувствия изменения содержания, сделать их очевидными, проверить их и разработать методику целенаправленного сбора текстовых свидетельств, на которых базируются эти предчувствия. Более того, вооруженный этой методикой исследователь сможет не только обосновать

свои выводы, но и узнать из текста больше, чем хотел донести автор (отсюда полущутливое определение контент-анализа социологом А.Г. Здравомысловым: «научно обоснованный метод чтения между строк» (1969: 15)).

Основной отличительной чертой контент-анализа является его квантитативный характер, ведь это, прежде всего, количественный метод, который предусматривает числовую оценку определенных компонентов текста, которую, в свою очередь, дополняют разнообразные качественные классификации и обнаружение тех или иных структурных закономерностей. Поэтому наиболее метким определением контент-анализа можно считать то, которое было зафиксировано в книге Мангейма и Рича:

“Контент-анализ – это систематическая числовая обработка, оценка и интерпретация формы и смысла информационного источника” (1997: 23).

С точки зрения лингвистов и информатиков это является образцом прикладного информационного анализа текста с представлением результатов в наглядной и удобной для использования (или дальнейшего анализа) форме. Еще в 1952 г. американский исследователь Б. Берелсон сформулировал 17 целей, которые отражаются во всех пособиях по контент-анализу. Перечислим некоторые из них: описание тенденций в смене содержания коммуникативных процессов; описание отличий в содержании коммуникативных процессов в разных странах; сравнение средств массовой информации; обнаружение использованных пропагандистских приемов; определение намерений и других характеристик участников коммуникации; определение психологического состояния индивидов и/или групп; выявление установок, интересов и ценностей (и, шире, систем убеждений и “моделей мира”) различных слоев населения и общественных институтов и т.д. (Блакар 1987: 14). В историческом плане контент-анализ – это самый ранний системный подход к изучению текста. Первый контент-аналитический опыт, упомянутый в литературе, – это проведенный в Швеции 18 столетия анализ сборника 90 церковных гимнов, которые прошли государственную цензуру, но были обвинены в несоблюдении религиозных догматов. Наличие этого несоблюдения определялось путем подсчета в текстах гимнов религиозных символов и сравнения их с другими религиозными текстами. В конце 19-го – в начале 20-го ст. в США появились первые контент-ана-

литические исследования СМИ. В 1930-40-х годах были выполнены исследования, которые сейчас считаются классикой контент-анализа, в частности работы Г. Лассуэлла. Во время Второй мировой войны произошел, наверное, самый известный эпизод в истории контент-анализа: британские аналитики (в сотрудничестве с американцами), опираясь на анализ внутренних пропагандистских кампаний Германии, предугадали время, когда последняя начнет использовать крылатые ракеты “Фау-1” и баллистические ракеты “Фау-2” против Великобритании. Начиная с 1950-х годов, контент-анализ как исследовательский метод получил активное использование почти во всех науках, которые так или иначе практикуют анализ текстовых источников: в теории массовой коммуникации, социологии, политологии, истории, культурологии, литературоведении, психологии и прикладной лингвистике (Яковлев 1998).

Иногда термин “контент-анализ” используется как обобщение всех методов систематического объективного анализа политических текстов и текстов, циркулирующих в каналах массовой коммуникации. Но такое расширенное восприятие контент-анализа не совсем правомерно, ведь существует ряд исследовательских методов (когнитивное картирование, метод семантического дифференциала и т.д.), которые нельзя свести к стандартному контент-анализу даже в самом широком его понимании.

Среди главных преимуществ этого метода следует отметить его высокую технологичность (что помогает использовать контент-анализ для систематического мониторинга больших информационных потоков), гибкость (т.е. возможность включать достаточно широкое перечисление типов исследований) и способность поддаваться формализации и компьютеризации.

В первых работах (Дж. Спид; Д. Уилкокс) осуществлялась классификация газетных материалов по темам (новости, политика, литература, религия, реклама, сплетни и т.д.), таким образом измерялась длина газетных полос, отведенных под эти темы разными газетами в определенный период времени. На этом основании делались выводы о направленности той или иной газеты, о внимании уделяемом ею социально значимым проблемам.

Наряду с разработкой разных классификаций развивались и общие теоретические положения метода. В 1926 году Д. Уилли предложил следующую классификацию газетных материалов: по теме, по форме и по совокупности этих признаков. Эти группировки получили

в социологии название категорий. Уилли сформулировал и критерии их обособления (Cormier 2002).

Таким образом сутью метода контент-анализа документов является обособление в тексте категорий анализа (смысловых единиц), подсчет частоты употребления этих единиц, а также анализ соотношения разных элементов текста между собой и со всем объемом анализируемой информации.

За единицу анализа текста можно принять отдельное слово, но оно не всегда бывает достаточной единицей исчисления, поэтому чаще приходится фиксировать не отдельные слова, а суждения, высказывания, мысли.

Количественной характеристикой единицы анализа является единица исчисления. Она регистрирует, как часто в тексте появляется та или иная смысловая единица. Кроме того, за единицу исчисления можно принимать объем внимания, уделяемого исследуемой проблеме. В тексте объем внимания может фиксироваться по количеству строк, площади текста, другим физическим величинам. В устном сообщении объем внимания определяют по времени, затраченному на трансляцию.

Главными методическими документами при осуществлении контент-анализа являются его классификатор и протокол анализа документов. В классификаторе должны быть представлены все категории анализа текста. В протоколе фиксируют результаты анализа, как правило, в закодированной форме. Кроме того, в протоколе могут регистрироваться не только категории анализа, но и сведения о документе и процедуры анализа. К протоколу добавляется инструкция для регистратора и кодировщика информации.

Актуальность использования контент-анализа в политическом дискурсе заключается в следующем: в условиях нестабильной политической ситуации избирательный процесс играет важную роль в становлении взаимоотношений между властью и обществом, между государственным аппаратом и местным самоуправлением. Совершенно естественно, что каждый кандидат ориентируется на ценностную систему электората. Однако, знакомясь с программами партий, мы постоянно сталкиваемся с “завуалированностью” информации. Применение метода контент-анализа именно в политических исследованиях позволяет нам более глубоко и детально изучать пути формирования депутатского корпуса, а, соответственно, и влиять на подобное формирование.

Изучение способов взаимодействия языка и общества относится к главнейшим задачам социолингвистики. Обычно выделяют два аспекта социолингвистических исследований: влияние социальной структуры общества на язык и язык как фактор влияния на общество. В первом случае внимание сосредотачивают на проблемах связи языковых форм с социальной стратификацией. Государственное регулирование функционирования языка относится ко второй части социолингвистической проблематики. Оно, в свою очередь, делится на два направления: языковую политику (достижение политических целей путем влияния на употребление языка) и языковое строительство (комплекс конкретных мер, таких как: национальные программы по изучению языка, разработку алфавита, нормирование языка СМИ и т.д.) (Федотова 1991).

Объектом *теории языкового влияния* являются когнитивные, социальные, психологические, лингвистические и другие механизмы, которые позволяют влиять на сознание человека. В центре внимания этой теории находится категория *языкового варьирования*, которая означает возможность использования в дискурсе разных выражений для описания одной и той же ситуации. Разницу в семантике участники коммуникативного процесса могут интерпретировать и как существенное, и как не значительное (ср. известный пример такого варьирования: *Бутылка полуполная vs. Бутылка полупустая*). Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности существуют на всех уровнях: фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом и на уровне макроструктуры текста. Методология теории языкового влияния используется, в частности, в теории и практике аргументации, практике создания рекламных текстов (копирайтинге), политической лингвистике (Федотова 1991: 36).

Предметом политической лингвистики является политический дискурс как совокупность дискурсивных практик, которые идентифицируют участников этого дискурса или создают конкретную тематику политической коммуникации. Под дискурсивной практикой понимают тенденции в использовании близких по функции альтернативных языковых средств выражения определенного содержания. Как правило, эти тенденции находят отражение в частоте употребления соответствующих феноменов фонетического, морфологического, синтаксического и семантического уровней. Достаточно близким аналогом в лингвистической поэтике можно считать понятие *идиостиля писателя* (Баранов 2003: 9).

Дискурсивные практики с лингвистической точки зрения определяются устойчивыми наборами языковых средств вариативной интерпретации, свойственных данному политическому субъекту или характерные для обсуждения данного предмета. Таким образом, можно выделить такие предметы политической лингвистики, как “дискурс Рейгана”, “дискурс Горбачева”, “тоталитарный дискурс”, “дискурс безопасности”, “парламентский дискурс” и т.д. Наиболее известные примеры, на которых политическая лингвистика, – это политический русский язык советского периода (*Lingua Sovietica*), дискурс Великой французской революции, политический язык “Третьего Рейха”, “вьетнамский английский” в США и т.д.

Изучение политического языка инициируют по крайней мере три фактора. Во-первых, внутренние потребности лингвистической теории, которая в разные периоды развития лингвистики постоянно обращалась к реальным сферам функционирования языковой системы. “Примат языка” часто становился лозунгом реформаторов учения о языке. Во-вторых, чисто политологические проблемы изучения политического мышления, его связи с политическим поведением; необходимость построения предиктивных моделей в политологии, а также разработки методов анализа политических текстов и текстов СМИ для мониторинга разнообразных тенденций в сфере общественного сознания. И, наконец, социальные заказы – малорезультативные попытки лишить политическую коммуникацию каких бы то ни было манипуляций. Последний фактор одновременно стимулировал становление теории языкового влияния (Баранов 2003: 12).

Наиболее существенные различия между данной теорией и политической лингвистикой находятся в сфере применения. Политическая лингвистика в основном применяется в изучении политического мышления по языковым данным, а также во время реконструкции и мониторинга состояния общественного сознания согласно текстам СМИ. Для работы с этими явлениями были разработаны специальные инструменты, среди которых наиболее известны – методы когнитивного картирования и контент-анализ.

В отношении политологии и общественных наук метод когнитивного картирования получил развитие в 1970х-1980х гг. благодаря работам американского социолога и политолога Р.Аксельрода и его коллег в США и Скандинавии. Когнитивное картирование позволяет выявить присутствующую в политических текстах структуру каузального размышления (из чего вытекает, что чему способствует и т.д.)

и, исходя из этого, сделать выводы о мышлении автора и его видении политической ситуации. Фактически когнитивное картирование позволяет определить факторы, принимающиеся во внимание политиками во время решения определенных вопросов. Стратегия выбора факторов и задает возможную типологию политического мышления (Lasswell 1992: 49).

Последнее время рост научного знания приводит к расширению границ отдельных наук, и ученые все чаще специализируются на решении конкретных проблем. Большинство исследователей считает, что политическое мышление, политические действия и языковая деятельность связаны между собой, таким образом определяя, что политический дискурс является объектом междисциплинарного изучения.

Определение «язык политики» не является выбранным единодушно: наряду с понятием «политический дискурс» (А.Н. Баранов, Е.И. Шейгал) употребляются и дефиниции «общественно-политическая речь» (Т.В. Юдина), «агитационно-политическая речь» (О.П. Чудинов), «язык общественной мысли» (П.М. Денисов), «политический язык» (Е.И. Воробьева).

В лингвистической литературе существуют широкое и узкое понимание политического дискурса. Например, Е.И. Шейгал придерживается широкого толкования термина и понимает под ним «любые языковые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики (Чекмышев 2000). Р.М. Блакар говорит о «сумме языковых произведений в определенном паралингвистическом контексте – контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений» (1987). В качестве языкового материала могут выступать речи политиков, политических аналитиков и комментаторов, публикации в СМИ, тексты специализированных изданий. Такой подход позволяет рассматривать политический дискурс с привлечением всех семиотических систем (Гаврилова 2002: 11).

Некоторые исследователи воспринимают политический дискурс как язык публичной сферы или, точнее говоря, как актуальное использование языка в сфере публичного общения (на это, в частности, ссылаются ученые, принимавшие участие в коллективном исследовании “Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere”). Принадлежность текста к политическим определяет не только его тематика, но и место в системе политической коммуникации. Такое широкое понимание «политического

языка» учитывает влияние масс-медиа, которое неуклонно растет, развитие новых политических технологий, расширение процессов глобализации и процесс коммерциализации простора политических коммуникаций (Яковлев 2000: 21).

Узкого же определения политического дискурса придерживается, в частности, такой известный голландский ученый-лингвист, как Т. ван Дайк. Он считает, что политический дискурс – это класс жанров, которые ограничиваются социальной сферой, а именно политикой. К этим жанрам можно отнести правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, выступления политиков. То есть политический дискурс – это дискурс политиков. Ограничивая политический дискурс профессиональными рамками, ученый заявляет, что политический дискурс, в то же время, является формой дискурса институционального. Это означает, что к политическим можно отнести все дискурсы, которые вырабатываются институциональном окружении (заседание правительства, съезд партии и т.д.). Проще говоря, политический дискурс должен сопровождать политический акт в политических обстоятельствах (Van Dijk 1994: 137).

Австрийский лингвист Р. Водак утверждает, что «политический язык находится как бы между двумя полюсами – функционально обусловленным специальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией. Поэтому политический язык должен выполнять противоречащие функции, в частности, находиться в пределах понимания (соответственно задачам пропаганды) и ориентироваться на конкретную группу (по историческим и социально-психологическим причинам) (Водак 1998: 37).

Е.И. Шейгал в своем полевым исследовании обнаруживает не только связь между политическим и другими дискурсами (военным, религиозным, рекламным и т.д.), но и определяет его структурообразующие признаки: институциональность, информативность, смысловая неопределенность, фантомность, фидеистичность, эзотеричность, авторитарность и т.д. (2000).

Большинство лингвистов признают, что убеждающая функция является самой главной в политическом дискурсе. Как справедливо замечает П.Б. Паршин,

“любой текст влияет на сознание адресата с семиотической точки зрения. Но для политического текста языковое влияние является первоочередной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств” (1986: 123).

Лингвистическое исследование политического дискурса базируется на двух тезисах: о системе и о тексте. В соответствии с первым из них, язык политических текстов не тождественен повседневному языку, причем специфика его заключается не столько в использовании каких-то особых формальных средств, сколько в таком изменении соотношения между «тем, что означает» и «тем, что означается», которое придает единицам знакомого текста необычную интерпретацию, а хорошо знакомые ситуации подводит под несколько неожиданные категории (иначе говоря, «вещи лишаются своих имен»). Другой тезис связан с первым, а именно: утверждает, что в политическом тексте можно вычитать некий неэксплицитный смысл, отличный от буквального, а иногда и противоположный ему. Считают, что этот смысл и есть «настоящим» в политическом тексте (Михальская 2000: 78).

Лингвистическое исследование политического дискурса проводится с помощью критического, когнитивного, описательного и количественного методов.

Критический дискурс-анализ – это самое современное направление в зарубежной лингвистике. Согласно этой тенденции, понимание общественного строя наиболее полно и естественно достигается через критическое осмысление власти языка. По мнению «критических лингвистов», современный социум имеет определенную особенность: в нем доминирование одной социальной группы воплощается не насильственным путем, а через согласование, идеологию, язык. С этой точки зрения, дискурс является неотъемлемой частью общественных отношений, формируя их и, с другой стороны, ощущая на себе их влияние. Анализ языковых элементов позволяет «критикам» выявить имплицитные предписания в социосистеме и продемонстрировать скрытые дискурсивные влияния на эту систему.

Исследования этого типа можно условно поделить на три тематические группы: 1) роль дискурса при гендерном неравенстве; 2) роль дискурса при этническом неравенстве; 3) злоупотребления властью определенных социальных групп (Гаврилова 2002: 12).

В основе *когнитивного* метода лежит

“предположение, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в пределах одной общей цели – объяснить процессы усвоения, обработки и трансформации знаний, которые, соответственно, и определяют сущность разума” (Моль 1973: 28).

Лингвокогнитивный анализ выясняет, каким образом в языковых структурах проявляются структуры знания человека об окружающем мире; политические представления, свойственные человеку, социальной группе или обществу в целом. Техника когнитивного анализа осуществляется путем анализа фреймов, то есть структур данных для отражения стереотипной ситуации, концептов и метафорических моделей.

Среди методологических направлений концептуального анализа политического языка следует выделить историко-этимологическое направление (фокус на ключевых понятиях социальной теории и их содержательных отличиях) и метафорическое моделирование (метафора рассматривается как вспомогательный фактор в выборе альтернатив, фокус на кризисных ситуациях).

Лингво-идеологический анализ предполагает анализ таких аспектов, как уровни, структуры, стратегии, этапы идеологических убеждений и их воплощение в дискурсе. Лингво-идеологический анализ политического дискурса обычно проводится на материале индивидуального дискурса, поэтому совершенно очевидно, что в дискурсе политика можно выделить влияние различных идеологий. Задача лингвиста заключается в том, чтобы выявить идеологии, с которыми идентифицирует себя политик (как член консервативной партии, как расист, как антифеминист и т.д.), и выяснить, каким образом эти идеологии эксплицитно формулируются или остаются имплицитно выраженными в дискурсе политика. Следует иметь в виду, что политические дискурсы могут демонстрировать как интертекстуальность, так и интеридеологичность (Гаврилова 2002: 39).

Количественный метод. Рассмотрим методику контент-анализа с лингвистической точки зрения. Рациональность такого подхода обусловлена тем, что, по сути, контент-анализ использует чисто лингвистическую информацию о характеристиках текста и старается выявить его семантические особенности. Сущность контент-анализа заключается в том, чтобы за внешними – количественными – характеристиками текста на уровне слов и словосочетаний сделать правдоподобные предположения относительно его содержания и, как результат, сделать выводы относительно особенностей мышления и сознания автора текста – его намерений, установок, желаний, ценностных ориентиров (Гаврилова 2002: 45).

Довольно важной категорией контент-анализа является концептуальная переменная (к-переменная) – понятие, занимающее центральное место в статистическом исследовании. Например, к-переменной

могут быть такие категории, как «политическая культура», «демократия», «права человека», «национальная идея» и т.д. В конкретном тексте к-переменная представлена своими значениями – языковыми представителями. Например, к-переменная «местное самоуправление» может быть представлена в текстах следующими языковыми коррелятами: *самоуправление, муниципальное управление, коммунальное управление, управление местными сообществами, местные представительские органы, местная демократия, муниципалитет.*

Абсолютная частота к-переменной определяется как совокупность абсолютных частот ее значений (языковых репрезентаций). Из этого следует, что для точности контент-анализа важно определить весь перечень значений, иначе будут пропущены некоторые вхождения к-переменной.

Особое место занимает контент-анализ выступлений политических лидеров. Ученые, анализируя выступления Гитлера, выяснили, что индекс военной пропаганды, который выявляет агрессивные намерения, заключается в увеличении высказываний относительно преследований, увеличении ссылок на силу, агрессию в качестве самозащиты, при одновременном уменьшении учета благосостояния других. В результате сопоставления выступлений Кеннеди и Хрущева накануне Карибского кризиса получила подтверждение «зеркальная гипотеза», согласно которой восприятие Америки и СССР искажались однотипно (Паршин 1986: 126).

Завершая обзор основных лингвистически ориентированных методов исследования политического дискурса, можно сделать вывод, что все эти методы направлены на выявление связи между политикой и языком и демонстрируют тенденцию к междисциплинарному изучению политического дискурса. На данный момент перед языковедом стоит социальная задача: необходимо выработать нормы украинского политического дискурса и описать риторический идеал политического деятеля. Следует обратить внимание, что разработка норм политического дискурса определена в качестве перспективной задачи развития украинского языка как государственного языка Украины в целевой программе на 2005-2009 гг.

Библиография

- Баранов А.Н., 2003: *Введение в прикладную лингвистику*, Москва.
 Блакар Р.М., 1987: *Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирическое исследование языка и его использования в социальном кон-*

- тексте), [в:] *Язык и моделирование социального взаимодействия*, Москва, с. 11-21.
- Водак Р., 1998: *Специальный язык и жаргон: о типе текста «партийная программа»*, [в:] *Язык. Дискурс. Политика*, Волгоград, с. 34-63.
- Гаврилова М.В., 2002: *Лингвистический анализ политического дискурса*, Москва.
- Здравомыслов А.Г., 1969: *Методология и процедура социологического исследования*, Москва.
- Кун Т., 1977: *Структура научных революций*, Москва.
- Мангейм Д., Рич Р., 1997: *Политология и методы исследований*, Москва.
- Михальская А.К., 1999: *Метод анализа и описания речевого поведения политика в интервью*, [в:] *Журналистика: Тез. Науч.практ. конф. Часть 5*, Москва, МГУ, с. 78-80.
- Моль А., 1973: *Социодинамика культуры*, Москва.
- Паршин П.Б., 1987: *Лингвистические методы в концептуальной реконструкции*, [в:] *Системные исследования – 1986*, Москва, с. 111-134.
- Федотова Л.Н., 1991: *Методика конкретных социологических исследований и международная журналистика*, Москва.
- Фрумкина Р.М., 1980: *Лингвистическая гипотеза и эксперимент*, [в:] *Гипотеза в современной лингвистике*, Москва, с. 183-216.
- Шевченко И.С., 2005: *Когнитивно-коммуникативная парадигма и анализ дискурса*, [в:] *Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен*, Харьков, с. 9-20.
- Шейгал Е.И., 2000: *Семиотика политического дискурса*, Москва.
- Яковлев И.Г., 1998: *Проблемы политического анализа на основе компьютерных технологий*, Москва.
- Cormier M., 2002: *An interview with Vladimir Putin, 13 June 2002*, <http://cbc.ca/indepth/putin>.
- Lasswell H., 1967: *The Uses of Content Analysis Data in Studying Social Changes*, *Science and Culture*, Vol. 33, No. 4, pp. 45-62.
- Van Dijk T.A., 1998: *What is Political Discourse Analysis?*, [in:] *Political Linguistics*, ed. Jan Blommaert, Chris Bulcaen, Amsterdam, pp. 128-154.

Linguistically oriented research methods of political discourse

Summary

To study methods of interaction of language and society is one of the most important tasks of social linguistics. Studying political language is initiated by at least three factors: needs of the linguistic theory, political science problems, and social demands. The article deals with the linguistically oriented methods of analysis in the political discourse (critical, cognitive, descriptive, and quantitative), focusing on the content analysis. The aim of the first part of the article is to concentrate on

the social function of language. The second part of the article contains basic knowledge about the content analysis and its comparison to other analytical methods usually applied to political speech and textual arrays.

Tamara Goncharova, prof. nadzw. Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego na Wydziale Humanistycznym, w Instytucie Neofilologii i Lingwistyki Stosowanej; doc. dr filologii na Charkowskim Uniwersytecie im. W. Karazina (Ukraina). Zainteresowania naukowe: językoznawstwo (psycholingwistyka, socjolingwistyka), teoria przekładu, metodyka nauczania języka angielskiego jako obcego. W dorobku naukowym ma ponad 55 publikacji.